

УДК 130

Раздина Е. В.

УГРОЗА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГЛОБАЛИЗИРОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье исследуется динамика социально-политических трансформаций, вызванных современными процессами глобализации. Рассмотрены проблемы безопасности в контексте современного дискурса. Выявлены проблемы влияния современного мирового порядка на социальные отношения и возникновение угроз.

Ключевые слова: безопасность, глобализация, мировой порядок, социальные отношения, угроза.

У статті досліджено динаміку соціально-політичних трансформацій, що викликано сучасними процесами глобалізації. Розглянуто проблеми безпеки у контексті сучасного дискурсу. Визначено вплив сучасного світового устрою на суспільні відносини та виникнення загроз.

Ключові слова: безпека, глобалізація, світовий устрій, суспільні відносини, загроза.

In this article we research the dynamics of social-political transformation caused by modern processes of globalization. We consider the problems of security in the context of contemporary discourse. We also identify the influence the modern world order processes to the social relations and threat beginning.

The keywords: globalization, world order, security, social relations, threat.

Современная наука отмечает кардинальное изменение социальных отношений, связанное с влиянием на них процессов глобализации – их экономических и политических проявлений. Глобализация на сегодняшний день не привела к формированию новых устойчивых универсальных императивов порядка во внутренней и внешней сферах взаимодействия политических и неполитических субъектов международных отношений. Напротив, априорно хаотическая природа данного взаимодействия [1, с. 123], следствием которой является произвол отдельных акторов реализации интересов, предполагает последовательное уменьшение стабильности обусловленных глобализацией процессов, чем вызывает так называемые «асимметричные угрозы» [2, с. 5–7] развития и взаимодействия национальных государств на фоне изначального и неизбежного неравенства их возможностей и противодействия и столь же неизбежное на них давление субъектов, обладающих политическими, экономическими либо иными преимуществами [1, с. 123]. Наиболее вероятной причиной хаотизации мирового политического пространства и вызванного ею онтологического содержания социальных отношений представляется следующая: мировой порядок, который формирует и контролирует глобальную целостность государств, сегодня остается анархичным и дискуссионным [1, с. 123], создавая «культурный разрыв прежней локализации развития обществ их нынешней глобализации... механизмы же наследования традиций общественного

сознания непредсказуемы... Специфичность сегодняшней ситуации заключается в системном единении... глобальных кризиса управления и кризиса социального порядка» [3, с. 58–60].

Довольно распространенным мнением специалистов стал тезис о «деградации» социального бытия в глобализирующемся мире [4, с. 3]. Современное гражданское общество продуцирует обусловленные позицией государства и экономики «собственные эксклюзии, формы подчинения, дискриминации и эксплуатации» [4, с. 5]. Роль насильственных методов принуждения (политического, правового, экономического, социального, религиозного и др.) уменьшается пропорционально увеличению значения различных форм убеждения, скрытого контроля, неявной зависимости, социального отчуждения и др. Данная тенденция обуславливает особую актуальность технологий внедрения на рынок через общественное мнение «наилучших» идей, ценностей и товаров. Тем самым общественные и культурные процессы все более глобализируются – от миропорядка до порядка идентификации и самоидентификации социальных субъектов [3, с. 57]. Общество воспроизводит «тиранию рынков, террор государств» [4, с. 5] формированием собственных кризисных механизмов развития.

В социально-политической и экономической научной литературе сегодня вопросы обусловленной глобализацией трансформации общественных и политических институтов различного уровня и характера деятельности обсуждаются достаточно подробно и широко. Динамичность, нестабильность и диспропорции в развитии субъектов мировой политики и системы международных отношений и обусловленные ею социально-экономические процессы в сфере международной и национальной безопасности порождают сложность их исследования с целью принятия политических решений, поскольку последние не могут не учитывать обусловленные динамикой и масштабами развития отдельных процессов и процедур риски, опасности и как их особое проявление – угрозы. Поэтому представляется актуальным исследование тенденций трансформации современных международных и национальных институтов власти и общества вообще и порождаемых ими социально-политических угроз в частности. Они представляют собой соответственно объект рассмотрения и предмет данной статьи. В данном исследовании в качестве теоретических универсалий приняты наиболее распространенные сегодня в науке содержания понятий «безопасность», «угроза», «опасность», «риск». Например, безопасность понимается как стабильное состояние системы социально-политических отношений, характерное защищенностью ее элементов и связей от угроз и опасностей, их нейтрализацией либо локализацией в результате принятия комплекса мер по ограничению проявления и потенциального развития рисков. Далее, принимается понимание угрозы как элемента социальных отношений – особой разновидности субъектных отношений, основанных на реализуемом осознанном намерении субъекта причинить ущерб либо вред, то есть преднамеренных. В отличие от угрозы, опасность не является преднамеренной и проявляет себя без выдвигания условий, невыполнение которых влечет готовность причинить вред. Риски как причина опасностей и угроз являются продуктом нестабильности развития системы,

выражаются в диспропорциях воспроизводства базовых процессов и явлений и сущностных характеристик системы социально-политических отношений и системы ее безопасности, дисфункциях системных связей и служат источником непредсказуемой трансформации элементов и необходимых и устойчивых форм их взаимодействия. На этом основании принимается тезис об априорно нестабильном характере развития глобализированной системы социально-политических отношений и анализируется их современное состояние.

Результатом распространения различных и разнонаправленных проявлений нестабильности системы отношений мирового порядка на всю систему управления в пределах национального государства становятся ситуации, когда страна развивается вопреки государству [1, с. 104] и возникают территории соперничества как выход внутреннего противоречия на уровень источника внешней опасности. Вероятно, опасность усиливает тот факт, что управление любого уровня территорий глобализированного политического пространства в наибольшей степени обусловлено изменениями характера товарно-денежных отношений мировой системы хозяйства: их кредитной субстанциональной природы (признак глобального постиндустриального капитализма) и связанной с ней «беспрецедентной ликвидности» глобального капитала, и потому необходимой в интересах безопасности национально-государственной стратификацией политической реальности [1, с. 123]. Более того, вероятно, природа глобализации экономическая – главными участниками интернационализации как явления на протяжении последних трех столетий [5, с. 86] «являются национальные экономики, политически организованные в форме государств» [6, с. 3]. Между тем, вышеупомянутая необходимость развития и укрепления национально-государственной стратификации политической реальности обусловила положение, когда «экономическая и экологическая глобализация после двух столетий развития в XXI веке вызвала глобализацию политическую, что в свою очередь привело к возникновению обратного глобальной интеграции процесса – регионализации» [7, с. 115]. Тем самым создалась ситуация, когда «современный глобальный капитализм гораздо меньше, чем капитализм индустриальный, испытывает привязанность к овеществленному капиталу, к определенному рынку рабочей силы... благодаря виртуальным деньгам, которые не имеют жесткой привязки к состоянию реального хозяйства и обладают способностью мгновенно перемещаться» [8, с. 46]. И как процесс обратного влияния – экономическое развитие испытывает все большее ужесточение политического контроля со стороны институтов различных уровней в целях стабилизации системы социально-экономических отношений и уменьшения влияния системных, экономических, финансовых, рыночных и других групп рисков. В определенном смысле это может представлять опасность для развития товарно-денежных отношений, поскольку через бюджетную политику (монетарную, кредитно-денежную, защиту отечественных рынков капиталов, товаров и услуг и иные ее составляющие) сдерживает свободное движение глобальных и национальных ресурсов и свободное увеличение нормы прибыли в производстве различного масштаба и типа организации и в промышленности, и в сфере услуг, и в

спекулятивном финансовом секторе. Между тем, считается, что национальное производство и национальный потребитель в современных условиях развития глобальных экономических процессов могут защитить только национальные политические институты, которые одни могут противостоять произволу и анархии в международной сфере, которые экономическая глобализация, как сказано выше, усиливает и направляет.

Политическая глобализация отражает и собственные внутрисистемные противоречия. Нынешний этап развития глобального мира, вероятно, следует считать переходным вследствие разбалансированности мирового порядка. Существуют «две основные точки зрения на новую систему международных отношений: мир стал монополярным (однополярным/однополюсным, или униполярным); мир стал многополярным (многополюсным), где выделяется несколько центров силы» [9, с. 32]. Современный мировой порядок, который, вероятно, существует с XVII века и сегодня распадается [5, с. 81], принято называть Вестфальским – он стал складываться в Европе, а потом за ее пределами после подписания 24 октября 1648 года Вестфальского договора [10, с. 45], провозгласившего нацию-государство главным субъектом власти, базирующимся на принципах территориальной суверенности [1, с. 124]. Как уже упоминалось, среди специалистов в области международных отношений стало преобладать мнение об обусловленности императивов мирового порядка XXI века значительными «изменениями состава, функций и ролей главных акторов мировой политической сцены» [10, с. 45], «что стало результатом глобальных последствий системных кризиса управления, присущего суверенным властным структурам, и кризиса социального порядка. Как следствие, трансформация системы отношений мирового порядка, вероятно, происходит из-за преобладания в их развитии факторов глобализации – в мире появляется все больше проблем, которые не могут быть разрешены в условиях существования государственной территориальности и государственного суверенитета» [5, с. 80]. Таким образом, внутренние и внешние угрозы, связанные с произволом и анархией (что означает – с непредсказуемыми рисками) и ослабляющие субъектов международных отношений, навязывают им зачастую невыгодные условия развития и вызваны процессами, происходящими в сфере их внешнего взаимодействия. Как считает М. Тэтчер, «следует с подозрением относиться к планам глобального регулирования, которые слишком явно свидетельствуют о преследовании определенных интересов» [11, с. 489]. Угроза становится нормой и развития международных, национальных и субнациональных институтов, и их взаимодействия, и их функционирования в сфере интересов любого уровня и отношений любого содержания.

Разбалансированному состоянию мирового порядка и вариантности развития мирового политического пространства «соответствует и определенный уровень состояния угроз и опасностей и их общественного осознания. Характерной чертой переходного периода является кризис в экономической, социальной, политической, духовно-нравственной сферах жизни... общества. Спектр опасностей, которые угрожают самому существованию... значительно расширился и имеет тенденцию

развития: возросли угрозы общественной, личной и государственной безопасности. Связано это прежде всего с несправедливым распределением общественного богатства, доходов населения, нарушением прав и свобод личности, духовно-нравственных, образовательных, информационных и других социальных ценностей. В обществе возрастает напряженность в различных социальных группах, появляется враждебность, антагонизм, что ведет к столкновениям и насилию» [12, с. 100]. Понятия «безопасность», «опасность», «угроза» лишь недавно, в последнее десятилетие, обрели статус научных категорий, несмотря на остроту связанных с ними проблем и неизменную практическую актуальность. Уже в конце прошлого века наука признала, что «безопасность, сама выживаемость человечества является фундаментальной категорией, общим понятием. Вне человека, его природной и социальной среды обитания и жизнедеятельности само понятие безопасности теряет всякий смысл. Осознание реальных опасностей и угроз – одно из важнейших и необходимых условий индивидуального и общественного существования человека, его становления, сохранения и развития. Безопасность – динамическое явление, требующее постоянных усилий, которые способствуют устранению несправедливости и угроз в развитии человечества» [12, с. 101].

Исследования последних лет уточнили данные базовые понятия и предложили «пересмотр приоритетов в области безопасности, а также поиск новых теоретических подходов, позволяющих осмыслить происходящие в мире изменения... угрозы изучаются сквозь призму связанных с ними рисков» [13, с. 35]. Как теоретические основание чаще используются труды У. Бека, К. Боулдинга, Б. Бузана, О. Вивера, Я. де Вильда, Т. Дейбеля, А. Вендта, Э. Тикнера. Отечественная наука считает угрозой фактором, усложняющим саморегуляцию системы и реализацию интересов ее субъектов, определяющим выход показателей развития системы за пределы нормативных либо пограничных [14, с. 11], при этом угрозами являются факторы и явления как явного, так и потенциального характера [15, с. 35]. Между тем, традиционным признается понимание угрозы как намерение субъекта причинить вред другому в случае отказа выполнить предписания угрожающего, например, ультиматум как открытое высказывание субъектом намерений причинить вред другому субъекту [13, с. 36]: «угроза должна пониматься не просто как воздействие неких внешних условий, то есть как односторонний процесс, а как результат взаимоотношений между субъектами... угроза – это один из типов отношений, который обладает свойством организации социальных систем» [13, с. 36]. Угрозы «классифицируются по источнику опасности» как «лишенные компонента намерений» [13, с. 37] и, соответственно, их содержащие [13, с. 36–37] «и подразделяются на преднамеренные (социальные) и непреднамеренные (структурные)» [13, с. 36]. Однако нельзя не учесть, что «любое преднамеренное действие не может быть абсолютно спонтанным и зависеть исключительно от желания субъекта: оно всегда „структурировано“» [13, с. 37]. Поэтому можно согласиться, что угроза «представляет собой разновидность субъект-субъектных отношений, которые являются элементом существующей социальной структуры. В качестве последней выступает архитектура безопасности, представленная

заключенными договорами, созданными военно-политическими союзами, выработанными правилами и нормами взаимодействия, а также представлениями о сферах уязвимости и основных источниках опасности... соотношения коллективного и индивидуального, агентов и социальной структуры» [13, с. 37].

С учетом происходящих процессов и потребностей исследования проблем безопасности в последние годы «происходит смещение исследовательских акцентов с государства на общество... социальная общность как объект безопасности... идентичность как предмет безопасности... безопасность имеет отношение, прежде всего, к социальным общностям и только потом – к индивидам. Поэтому в современной системе международных отношений основным объектом безопасности необходимо считать государство... необходимо рассматривать также и негосударственные, этнокультурные общности... содержание безопасности определяется в конце концов интересами государства» [13, с. 38–39]. Значимость идентичности при этом такова, что способна даже обеспечить «жизнеспособность» государства в случае временной утраты территории и институтов, угроза же возникает в ситуации разделения общества по классовым, идеологическим, религиозным либо культурным основаниям, что приводит к неспособности политической элиты следовать интересам государства [13, с. 39]. Таким образом, в качестве самостоятельного объекта безопасности может выступать общество как нация, что определяет «наличие специфических сфер уязвимости и способов их устранения, которые отличаются от тех, которые свойственны политическому и военному секторам... в качестве угроз безопасности выступают: миграция, горизонтальное соперничество, связанное с возможностью изменения идентичности под влиянием доминирующей группы, вертикальное соперничество, предполагающее размывание или утрату идентичности в результате интеграционных процессов, и депопуляция» [13, с. 40]. Общество может реагировать на угрозы как через действия политических и военных институтов, так и от собственного лица – через изменения в системе социальных связей [13, с. 40]. Поэтому различают уровни социальной безопасности, в которой на индивидуальный уровень взаимодействия влияют, в основном, экономические факторы, и социетальной безопасности, определяемой как «безопасность идентичности» больших социальных групп, разделяющих общую идентичность – социетальный уровень при этом может функционировать и независимо от государственного [13, с. 39]. К секторам безопасности относят как части единого целого «военный, политический, экономический, социетальный и экологический», «однако природа социетальной безопасности предполагает самостоятельное решение обществом указанных проблем без вмешательства государства» [13, с. 40].

Вероятно, пять указанных уровней можно условно выделить в два блока проблем, исходя из определяющих их факторов развития процессов глобализации, которая, как указывалось выше, реорганизует интеграционные явления общемировой системы связей и отношений и ведет к снижению политической стабильности и «деградации» социального бытия – социально-экономический и политический.

Социально-экономические процессы современного общества все больше, как

указывалось выше, тяготеют к преобладанию в их организации глобальных факторов, унифицирующих бытие, с одной стороны, и увеличивающих дистанцию развития – с другой. Вторая дилемма заключается в увеличении по мере развития общества экономической зависимости индивида пропорционально уменьшению личной зависимости: выделение личности из общества – необходимое и необратимое условие разделения труда, служащего, в свою очередь, источником общественного развития. Третья дилемма – развитие обществ происходит через идентификацию и самоидентификацию в территориальных пределах, что создает противоречия модели социальной интеграции в системе отношений глобального и регионального характера, то есть дезорганизацию. И, наконец, четвертая дилемма – универсальные социальные качества и образцы культуры в условиях ослабления социально-политического контроля, вызванного дезорганизацией, формируются факторами денежной экономики, воспроизводятся «виртуальным характером глобальной экономики финансов» [8, с. 39]. Происходит удвоение мира: социальные отношения «предстают как отношения вещей и движения денежных потоков» [8, с. 39]. Социальная жизнь подчиняется логике денежного обращения, деньги из абстракции обмена становятся самостоятельной ценностью, реальность сводится к калькуляции, обусловленной исчисляемостью решающих технических факторов [8, с. 39–40], «поэтому денежная собственность в форме капитала... становится важнейшим фактором отчуждения личности от общества, культуры и других людей» [8, с. 40]. В этих условиях личность превращается в потребителя [2, с. 7–15], то есть статус и социальные роли потребителя преобладают в статусном наборе и создают предпосылки упомянутого выше горизонтального соперничества, когда сетевые связи крепнут от ослабления вертикальных политических и нестабильности политических институтов, подрывающих социальное доверие со своей стороны. Потребитель, убежденный в универсальной самооценности денег, склонен добиваться их любыми путями, включая авантюрные и преступные [8, с. 41]. «Иррациональность проявляется в финансовом поведении населения, особенно массовом» [8, с. 42]. Жизненные стратегии строятся на основе принципа исчислимости, а не экономической и юридической грамотности, чему способствует преобладание безличных денег, утрачивающих вещную ипостась [8, с. 42–44].

Глобализация «усиливает дезинтеграцию социальных групп и структур, а также личностных идентичностей... начинают доминировать краткосрочные социальные взаимодействия... деньги становятся фактором гибкости и подвижности мирового хозяйства» [8, с. 45]. Для игрока, процветающего среди беспорядка, важно не принимать длительных обязательств, включая результаты своей деятельности, овеществленный капитал, рынки рабочей силы и пр. Виртуальные деньги не связаны с состоянием реального хозяйства, отношениями обмена – они мгновенно перемещаются. Преимуществом игрока становится не имущество, а нахождение в системе возможностей – виртуальные деньги, не связанные с материальными производственными отношениями, переходят в сферу случайности и произвола [8, с. 46–47]. «Деньги сами требуют постоянной защиты от инфляции, спекулятивных обвалов валют и прочих рисков, связанных со случайными флуктуациями

финансовой сферы как таковой. Причем эти риски... представляют собой не только опасность и угрозу, но и потенциальный выигрыш» [8, с. 47]. «Возможно, наибольшие возможности объяснить происходящее у гипотезы об уменьшении связи спекулятивно-финансового сектора с реальной экономикой. Кредитная, а не товарная природа денег постиндустриальной экономики вызывает аномалии вплоть до обратной пропорции развития финансовой и производственной сферы. Финансы могут жить собственной жизнью – это такое восстание машин платежно-накопительной сборки. Иными словами, финансовая система нынешней ее модели при наличии удачно подобранных предпосылок сама создает сущностные причины воспроизводства инфляционных и кризисных процессов. Это предсказуемо, но не вполне управляемо, а значит, создает угрозы экономической безопасности непредсказуемой природы, способов и масштабов распространения. Приоритетное значение приобретает управление ресурсами, то есть политические риски могут начать доминировать в системных. И не исключено, что наиболее точные финансовые прогнозы в недалеком будущем смогут предоставить не экономисты, и даже не финансисты, а политики и политологи» [16, с. 13].

Не исключено, что данные процессы обусловили актуализацию в современном обществе феномена коррупции «как формы противоправного использования публичных возможностей в частных интересах... злоупотребления служебным положением... вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды... для себя или третьих лиц либо незаконного предоставления такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [17, с. 25]. Коррупция как системно организованное социальное явление распространена и на элитарном, и на среднем, и на низовом уровне [17, с. 26], в ее причинах возможно преобладание уже упомянутых горизонтальных сетевых связей, стремящихся подчинить вертикальные политические и создать альтернативу политическому порядку. Отмечено, что в современном обществе «коррупция воспринимается как неотъемлемый атрибут реальной действительности, чуть ли не как социальная норма» [17, с. 30]. Принято считать, что коррупцию порождают противоречия общества и государственных институтов (непрофессионализм и закрытость аппарата управления, произвол должностных лиц, наличие двойных правовых стандартов, правовая незащищенность личности и собственности, отсутствие гарантий прав и свобод, сокрытие актов коррупции юридическими основаниями и т. д.) [17, с. 27]. Коррупция как системное явление социального, экономического и политического характера со своей стороны меняет смысл социальных отношений (как минимум, с законного на произвольный в пределах территориальной суверенности государства) и обостряет противоречия между политической и социально-экономической сферами и квалифицируется как самая серьезная угроза государственности [17, с. 26].

Между тем, политический блок факторов безопасности и сохранение международных отношений предполагают формирование внешнеполитической стратегии стран на основе государственного суверенитета и государственных интересов и соответствия политики национальным интересам [13, с. 42]. В этой государствоцентричной сфере угрозы исходят, в основном, от военных конфликтов,

однако с окончанием «холодной войны» и трансформацией мирового порядка стали проявляться такие новые угрозы, как нестабильность, диспропорции экономического развития национального хозяйства, проблемы с обеспечением продовольствием и медицинской помощью, географические противоречия на уровне региональных, гражданские войны, терроризм, религиозные, культурные, духовные и пр. Своего рода угрозу представляет собой национальная идентичность и статус государства на международной арене.

Итак, угроза представляет тип отношений, обладающий свойством организации социальных систем. Она проявляет себя во всех сферах жизнедеятельности общества и государства и в сфере внешнего взаимодействия политических и неполитических субъектов. Возникновению угроз способствует как нестабильность системы социально-политических отношений суверенных территориальных государственных образований, так и новые факторы, связанные с развитием процессов глобализации и противоречий на уровне «глобализация – регионализация». Выявление и нейтрализация угроз происходит через систему безопасности, защищающую интересы субъектов субнационального, национального и международного уровня. Глобализирующееся общество подвержено угрозам, источником которых являются факторы глобализации: трансформация мирового порядка, связанный с ней произвол субъектов внешнеполитического взаимодействия, уменьшение стабильности и ослабление системы международных отношений, уменьшения влияния в них национальных государственных институтов, мировая экономическая экспансия финансово-промышленных институтов, обуславливающая политическую конфликтность на всех уровнях взаимодействия, расшатывание социальной целостности национально-территориальных социокультурных образований, трансформация отношений формирования и контроля социального порядка и нарушение воспроизводства процессов социальной идентичности.

Литература

1. *Раздина Е. В.* Трансформация национального государства в мировой системе институтов власти под влиянием процессов глобализации / Е. В. Раздина // Гуманітарний часопис. – 2010. – № 2 (23). – С. 121–127.
2. *Мариносян Х. Э.* Национальное государство. Проблемы и перспективы в эпоху глобализации / Х. Э. Мариносян // Философские науки. – 2008. – № 8. – С. 5–24.
3. *Раздина Е. В.* Онтологические предпосылки актуализации в современном мире манипуляции сознанием как метода власти / Е. В. Раздина // Гуманітарний часопис. – 2009. – № 4 (21). – С. 57–62.
4. *Буравой М.* Что делать? Тезисы о деградации социального бытия в глобализирующемся мире / М. Буравой // Социологические исследования. – 2009. – № 4 (300). – С. 3–8.
5. *Раздина Е. В.* Обусловленность процессами глобализации трансформации современного мирового порядка / Е. В. Раздина // Гуманітарний часопис. – 2011. – № 2. – С. 80–87.
6. *Шишков Ю.* Регионализация и глобализация мировой экономики: альтернатива или взаимодополнение? / Ю. Шишков // МЭМО. – 2008. – № 8. – С. 3–20.
7. *Раздина Е. В.* Суверенитет как феномен глобализированного политического пространства / Е. В. Раздина // Гуманітарний часопис. – 2010. – № 4. – С. 114–121.
8. *Зарубина Н. Н.* Трансформация рациональности в глобализирующемся мире: влияние денег / Н. Н. Зарубина // Социологические исследования. – 2009. – № 4 (300). – С. 38–48.
9. *Зуб О.* Стратегія національної безпеки України – шлях до посилення системи колективної безпеки в регіоні та світі: від теорії до практики / О. Зуб // Політика і час. – 2007. – № 5. – С. 32–37.

10. Ялі М. Занепад «Вестфалії», або еволюція інституту нації-держави під впливом глобалізації / М. Ялі // Політика і час. – 2007. – № 6. – С. 45–48.
11. Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира / М. Тэтчер ; пер. с англ. – М. : Альпина Паблишер, 2003. – 504 с.
12. Социальная и духовная безопасность России / под общ. ред. В. И. Добренькова, Г. Н. Бутырина, Н. Н. Ефимова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1995. – 192 с.
13. Смирнова А. Г. Угрозы и их изучение в социологии международных отношений / А. Г. Смирнова // Социологический журнал. – 2010. – № 2. – С. 35–49.
14. Сухоруков А. І. Проблеми фінансової безпеки України : монографія / А. І. Сухоруков ; передмова акад. НАН України С. І. Пирожкова. – К. : НІПМБ, 2005. – 140 с.
15. Сухоруков А. І. Фінансова безпека держави : навч. посіб. / А. І. Сухоруков, О. Д. Ладюк. – К. : Центр навч. літ-ри, 2007. – 192 с.
16. Раздина Е. В. «Дешевые деньги» сверхдержавы: режим ограниченной функциональности / Е. В. Раздина // Деловая жизнь. – 2008. – № 9-10. – С. 12–13.
17. Охотский Е. В. Коррупция: сущность, меры противодействия / Е. В. Охотский // Социологические исследования. – 2009. – № 4 (300). – С. 25–33.